

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ИНОГДА ПУЛИ –
КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Иногда пули – как снег на голову

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Иногда пули – как снег на голову / С. В. Самаров — «Автор»,
2015 — (Спецназ ГРУ)

Разведывательный взвод спецназа ГРУ старшего лейтенанта Арзамасцева выслеживает место сбора террористических банд. Разведвзвод действует предельно скрытно, ничем не выдавая себя, так как цель – лишь собрать данные о местоположении базы бандитов. Но внезапно в дело вмешивается взвод спецназа внутренних войск, преследующий одну из мелких банд. Арзамасцев понимает, что «краповые» вот-вот сорвут всю тщательно подготовленную операцию. Перед командиром разведчиков теперь стоит крайне сложная задача: спасти товарищей по оружию и не выдать при этом своего присутствия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Самаров
Иногда пули – как снег на голову

© Самаров С., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Поздняя осень, когда листва уже опала и обложила корни деревьев разноцветным ковром, но еще не выпал снег, и зима только грозитя предъявлением своих прав, по традиции называется среди охотников «чернотропом». И это невзирая на то, какого цвета почва под сапогами или башмаками охотников, чернозем это или глина, или песок с камнями, или вообще нет тропы, протоптанной человеком, а есть только узкие звериные проходы в непролазных зарослях, часто перекрываемые поперек склоненными ветвями или даже стволами упавших деревьев. Но чем сложнее путь охотника, тем вожаденнее становится добыча.

Однако есть категория охотников, что в качестве добычи выбирают себе не зайцев, лис или енотов, а людей, которые и убежать умеют не хуже, чем зайцы, и прятаться, как хитрые лисы, и пасти оскаливают, как волки. И умеют отвечать выстрелом на выстрел, очередь на очередь, да и выстрелить всегда стремятся первыми. Эта категория охотников обычно называется спецназом или попросту «волкодавами», а добычей для них становятся бандиты разных мастей, начиная от простых уголовников и кончая религиозными фанатиками с политическими амбициями, которые, в свою очередь, тоже не брезгают принимать помощь от простых, не обремененных угрызениями совести уголовников. Сезон чернотропа «волкодавы» традиционно связывают по времени с уходом бандитов на зимние базы, где они надеются отсидеться и отлежаться до весны. Искать зимой банды в горах сложно, а порой и вообще невозможно. Если они засели там с основательным запасом продуктов и дров, то стараются не оставлять на снегу следов. И никто не скажет, где, в каком ущелье сидят. А ущелий-то этих в горах бесчисленное количество. Только случайно, бывает, отыскиваются зимние базы, где бандиты дожидаются своего часа. Большинство же до конца зимы благополучно дотягивает. А это значит, что весной следует ждать какого-то мощного, неизвестно куда и откуда нанесенного удара, потому что на зимовку собираются вместе несколько мелких банд, и один мощный удар они наносят еще до того, как разделятся. Удар, что называется, просто для разминки, чтобы свою силу почувствовать, перед тем как войти в боевой «полевой сезон». Но в то же время уничтожать бандитов легче, когда они собираются скопом. Все равно их силы в сравнении с силами того же спецназа немного значат, а уничтожить их вместе гораздо проще, чем потом отыскивать и уничтожать по отдельности несколько мелких банд, выныривающих в определенный момент из темноты и в темноту же уходящих. И каждый их нанесенный удар – это уже чья-то отнятая жизнь. Может быть, и не одна. Потому бандитов лучше ликвидировать как можно быстрее и как можно больше. А это уже само по себе значит, что чернотроп – это не только открытие сезона охоты на диких зверей, но и открытие сезона охоты на бандитов. Охотники берут путевки и лицензии в охотничьих хозяйствах, а спецназ получает задания командования...

– Смотри внимательнее, – приказал старший лейтенант Арзамасцев лежащему рядом с ним рядовому Аверьянову, прильнувшему к окулярам бинокля. Внешне Аверьянов походил на изображаемого на карикатурах тридцатых годов прошлого века сельского кулака, поэтому получил во взводе прозвище «Кулачок», хотя о том, кто такие кулаки, большинство солдат имело достаточно смутное представление.

Отдав команду, командир взвода перевернулся, сполз на спине с каменной насыпи так, чтобы его невозможно было увидеть с противоположной стороны, и вытащил трубку своего смартфона для ответа на звонок. Определитель номера показал, что звонил комбат, подполковник Ослов.

– Старший лейтенант Арзамасцев. Слушаю вас, товарищ подполковник, – отозвался старший лейтенант и оглянулся на Аверьянова. Тот по-прежнему не отрывал бинокля от глаз, хотя командиру взвода показалось, что рядовой издал какой-то призывный звук. Но за звуком обя-

зательно последовал бы или визуальный сигнал, или просто взгляд, или доклад по внутренней связи. А этого не было. Значит, можно разговаривать с комбатом без отвлечения. Тем более Ослов не любил, когда подчиненные и с ним беседуют, и одновременно еще что-то делают. Он был уверен, что дело делается качественно только тогда, когда ему все внимание отдаешь.

Сам подполковник Ослов не то чтобы любил свою непривычную и вообще довольно редкую фамилию, но, по крайней мере, относился к ней с уважением, и, если кто-то его фамилии удивлялся или просто переспрашивал, возражал всегда одной и той же фразой:

– Есть же фамилия Козлов, и даже Медведев есть, и Зайцев, и Волков, Лисин и Барсуков. Почему не может быть фамилии Ослов? Чем она хуже других? Главное, чтобы по жизни ослом не стать, а остальное все – ерунда. Я так считаю.

Это говорилось обычно достаточно мягко, чтобы не заострять на фамилии внимание. Но твердо и настойчиво, с желанием показать свое право на собственное, не подлежащее изменению мнение.

Однако считать комбата «ослом по жизни» едва ли решился бы кто-то из офицеров или солдат батальона. Аркадий Николаевич был человеком серьезным и на службе, и вне ее, со всеми офицерами поддерживал хорошие деловые отношения, и еще был большим специалистом рукопашного боя, за что пользовался уважением солдат, ведь они рукопашный бой всегда ценили выше, чем любые другие боевые навыки.

– Как у тебя дела, Валентин Палыч?

– Намеревался вскоре вам с докладом позвонить, товарищ подполковник. Продолжаем работу. Наблюдали, как четверо вооруженных людей прошли со стороны гор в село. У всех за плечами большие, но пустые рюкзаки. За селом ведется наблюдение. Пытаемся определить, кто из местных снабжает бандитов. Я с малой группой разведки жду на подступах к горам, нужно определить обратный маршрут. Будем вести скрытное преследование. Предполагаем, в село бандиты войдут с наступлением темноты, потому что посты снабжены приборами ночного видения. Моя разведгруппа тоже. Попытаемся их «проводить» до самого места. Незаметно. Координаты принимайте сразу с моего смартфона. Я дам обычный сигнал.

Эта система была в батальоне уже отработана. Смартфон в отличие от обычных телефонных трубок способен выдавать координаты своего местонахождения, и абонент на каком-то штабном компьютере способен их получить. Система сбоев не давала, если не давала сбоев сотовая связь. И потому командиры взводов все имели не простые трубки, а смартфоны. Покупали их обычно на свои деньги, поскольку обеспечение офицеров подобными средствами связи не входит в армейский бюджет.

– Хорошо. Что нужно будет, докладывай. У меня в запасе пока еще есть два взвода. Сидят с автоматами в руках. Закажу на всякий случай вертолеты. При необходимости всегда смогу перебросить в помощь. Держу специально для тебя. Только сообщи... Звони в любое время суток. Ты же знаешь, как я в командировочном режиме сплю. Трубка всегда под ухом.

Старший лейтенант Арзамасцев знал это. Это была уже третья их совместная командировка. В двух первых отработали на «отлично», хотелось бы и в третьей отработать так же.

Комбат в этой командировке, как и в предыдущей, являлся еще и командиром отдельного сводного отряда спецназа ГРУ, составленного из бойцов трех разных бригад, и он же руководил операцией по поиску уходящих на зимовку бандитов. Причем это была лишь одна из двух одновременно проводимых отрядом операций. И даже не одним отрядом, потому что в поиске были задействованы и спецназ внутренних войск, и спецназ полиции, и все под командованием подполковника Ослова. Вторая операция, насколько знал старший лейтенант Арзамасцев, проводилась под его же руководством совместно с пограничниками и внутривойсковиками и была направлена на пресечение попыток нескольких банд перейти границу, чтобы уйти на зимовку в Грузию и Азербайджан. О маршрутах передвижения бандитов существовали точные разведданные. Одновременное выполнение двух задач было возложено на спецназ ГРУ потому, что

те и другие действия были между собой связаны, а все смежники спецназу только придавались в помощь по требованию командования операции.

– Если у тебя все, тогда – до связи, Валентин Палыч. Докладывай любые изменения.

– Понял. До связи, товарищ подполковник.

Старший лейтенант Арзамасцев отключился от разговора, сразу просмотрел пришедшее от сына sms-сообщение, написал, как обычно, однословный ответ «ок», показывая, что сообщение получил, сам жив и здоров, убрал трубку и стал взбираться на гребень к рядовому Аверьянову. Новая, недавно полученная экипировка «Ратник» позволяла это делать с большими удобствами, чем прежняя форма одежды. В первую очередь помогали пластиковые наколенники и налокотники, сберегающие те части тела, которые чаще других травмируются в горах среди камней. Старший лейтенант падать не собирался, он просто взобрался на откос насыпи, пользуясь сразу и коленями, и локтями, и на ходу вытащил свой большой бинокль с прибором ночного видения. Экипировка «Ратник» обеспечивала солдат двухканальными биноклями, работающими днем как обычный бинокль, а ночью с электронно-оптическими преобразователями.

Что касается безопасности, то она обеспечивалась сравнительно легким и, как говорили, более надежным, чем предыдущий, бронежилетом высшего шестого класса защиты с керамическими пластинами, частично прикрывающими дополнительными элементами и руки, и бедра, и шею. Этот бронежилет выдерживал попадания небронебойных пуль автомата Калашникова калибра 5,45 и 7,62 миллиметра с пяти метров, а бронебойных пуль с десяти метров. Но бронежилет – это дело привычное, а вот голову спецназ ГРУ не привык прикрывать, банданы и вязаные шапочки предпочитая стандартным каскам. «Ратник» требовал пересмотра привычек. На голову пришлось водрузить кевларовый шлем, не идущий ни в какое сравнение с обычной солдатской каской. Стальная солдатская каска была тяжела и неудобна, падала на глаза и била по шее, кевларовая же сидела на голове плотно за счет приспособлений подгонки и, помимо всего прочего, имела интегрированные наушники и микрофон, которые с помощью коммуникационной системы «Стрелец» обеспечивали связь внутри всего взвода.

Одним словом, такая экипировка вселяла уверенность в защищенности и позволяла смелее идти в бой, даже рисковать по мере необходимости.

А спецназу ГРУ ходить в бой приходится чаще, чем любым другим солдатам Российской армии. Разве что внутренние войска могут составить конкуренцию, но они не армия...

– Как дела? – буднично спросил командир взвода, поднявшись на самый верх.

– Тишина, товарищ старший лейтенант, – тихо ответил рядовой Аверьянов, опуская свой бинокль. – Пока никого не видно и не слышно.

– У меня то же самое, – подтвердил второй наблюдатель, ефрейтор Балушкин, занявший позицию по другую сторону большого валуна. – Тем же коленом под тот же подбородок. Никого и ничего. Только глаза от наблюдения устают.

– Это нормально и естественно. Пока и не должно быть никого видно и тем более слышно. Тем не менее наблюдение продолжаем. На всякий случай. Основное действие будет разворачиваться позже, но нам нужно заранее знать, если кто-то еще пожелает принять в нем участие. Банда вполне может выставить засаду в прикрытие своих снабженцев. Я бы на месте их эмира не был таким самоуверенным и выставил бы кого-то обязательно.

Рядовой Аверьянов снова приложил к глазам бинокль, всматриваясь в дальние и ближние предгорья. Ефрейтора Балушкина за камнем видно не было, но командир разведвзвода не сомневался, что он тоже прильнул к биноклю. Приказ продолжать наблюдение прозвучал вполне конкретно, и солдаты привыкли выполнять приказания своего командира безусловно.

Старший лейтенант включил переговорный режим своего коммуникатора «Стрелец», включил интегрированный в шлем микрофон, имеющий отдельную систему отключения, чтобы иметь возможность говорить «не для всех ушей», и вызвал своего заместителя:

– Картошкин!

– Я, товарищ старший лейтенант, – отозвался старший сержант контрактной службы Картошкин, занимавший пост на высоте неподалеку от села и наблюдавший за действиями бандитов.

– Что у тебя? Докладывай!

– Все по-прежнему, товарищ старший лейтенант. Изменений нет. Лежат прямо под нами, в бинокль рассматривают село. Куда-то звонили. Сначала один, потом другой. Первый звонил, мне показалось, в село. Уверенность на девяносто процентов.

– Откуда у твоей уверенности ноги растут? – выразил сомнение Арзамасцев.

– Когда он звонил, все четверо в сторону села смотрели. Сам звонивший тоже смотрел туда через бинокль. Думаю, я даже двор нашел, куда они звонили. Примерно определил направление и посмотрел. Там человек по двору ходил, собаку гладил, кажется, кавказскую овчарку, и по трубке с кем-то разговаривал. Не иначе с ними. По крайней мере, разговор они закончили одновременно. И, как я уже сказал, смотрели в бинокль и без бинокля именно в ту сторону.

– Двор на планкарте отметил?

– Обязательно, товарищ старший лейтенант.

– Нормально. Продолжай в том же духе. Мы в этот двор обязательно позже заглянем.

Лежащий неподалеку от командира рядовой Аверьянов сделал знак рукой и включил свой коммуникатор:

– Товарищ старший лейтенант. Внимание! Еще бандиты идут. Шесть человек. Нет, семеро. Еще один из-за скал вышел, догоняет остальных. Хромой, потому медленно идет. Похоже, ранение ниже колена, там перевязка видна. Маршрут у группы, похоже, тот же самый. Наверное, тоже в село. У всех одинаковые пустые рюкзаки за плечами.

– Я так считаю, первые – только разведчики и потом других себе в помощь звонком вызвали. Наверное, много чего нести придется, – предположил старший сержант Картошкин и начал объяснять, не дожидаясь вопроса командира взвода: – Я же говорил, что два звонка было. Один в село, второй, вероятно, в банду. Сначала уточнили, сколько будет груза, потом вызвали подмогу, чтобы два раза по одному маршруту не ходить и местным жителям глаза не мозолить. Естественные действия.

– Возможно, – согласился Арзамасцев. – Продолжаем наблюдение. Лишний раз не высываться, полная осторожность...

Служба у военных разведчиков такая: наблюдать и собирать данные. С одной стороны, всегда вроде бы участвуешь в боевых действиях, с другой – часто просто находишься с ними рядом, сам не воюешь. А иногда так хочется без всяких тонкостей и скрытного выслеживания дать очередь и разрешить этим все настоящие и грядущие проблемы, да и просто показать свою силу бандитам.

Старшему лейтенанту Арзамасцеву тоже очень хотелось устроить засаду для этих семерых и уничтожить их. Можно было бы даже без засады обойтись, всего лишь одним снайпером. Всего в разведвзводе было два снайпера. Один сейчас находился неподалеку от командира взвода, под каменной насыпью, вместе с другими свободными от наблюдения бойцами, второй ушел вместе с замкомвзвода старшим сержантом Картошкиным и вел наблюдение за группой из четырех бандитов около села. Можно было бы дать команду Картошкину, и снайпер уничтожил бы за секунды ту группу, первую. Это заставило бы заволноваться всю банду и, возможно, отправиться на поиски пропавших еще одной группой, которую тоже нужно было бы уничтожить. А оставшиеся в горах так и сидели бы там без запасов на зиму. Того, что они принесли с собой, явно не хватило бы до конца зимы. Впрочем, существенно сократив численный состав банды, разведвзвод спецназа уменьшил бы и количество ртов, испытывающих потребность в пище. Значит, оставшиеся бандиты, возможно, смогли бы худо-бедно пережить зиму, не выби-

раясь в обжитые места, чтобы пополнить запасы. А сколько человек оставалось там, в горах, было неизвестно. И где они живут – тоже неизвестно. База может располагаться и в палатках, и в пещерах, которые в здешних горах встречаются часто, и в каком-нибудь специально подготовленном и тщательно выстроенном бункере под землей. Последний вариант, представляющий собой сложное инженерное сооружение, тоже не редкость. На след спецназовцы вышли не по какому-то конкретному донесению, а только отслеживая четверых бандитов, идущих предположительно на соединение с другой бандой в горы, чтобы вместе перезимовать. Несколько дней следили за ущельем. Так и оказалось. Бандиты вышли за припасами на зиму.

Но уничтожение бандитов-снабженцев вовсе не давало гарантии ослабления банды в целом и не гарантировало возможности точного определения местонахождения ее базы. Базу нужно было найти и уничтожить бандитов не по частям, а всех сразу. Как это будет сделано, лучше знает командование, которое дало задание разведвзводу старшего лейтенанта Арзамасцева. При этом прозвучало конкретное пожелание подполковника Ослова:

– Хорошо бы отработать без выстрелов и никак себя не продемонстрировав. Ты же, Валентин Палыч, умеешь так, потому на тебя эта миссия и возложена.

– Постараемся, товарищ подполковник, – пообещал старший лейтенант. – Что касается демонстрации, то мы не эстрадные звезды, чтобы пиаром злоупотреблять.

– Это все разговоры, – усмехнулся Осов. – А ты приступай к работе. Я пока по всем каналам буду добывать информацию об этой банде. Подключу источники МВД и ФСБ. Все, что добуду, тебе передам на смартфон в текстовом режиме.

– Буду ждать, товарищ подполковник.

Разведвзвод и не показывал себя противнику никоим образом. Только наблюдал и фиксировал каждое передвижение бандитов. Это была скучная и рутинная работа военных разведчиков. Работа, к которой они, впрочем, уже привыкли и которую выполняли умело.

На смартфон наконец пришло зашифрованное сообщение от комбата. Обычно такие простые данные, как картотека эмира и его банды, передаются в незашифрованном виде. Значит, помимо простых данных, там содержатся и более интересные, не подлежащие передаче в открытом виде. Программа-дешифратор, хотя сама по себе тяжеловесная и объемная, довольно быстро справилась со своей задачей. Мощное «железо» хорошего смартфона для таких задач было подходящим. Арзамасцев снова спустился за гребень и стал читать. Данные были в самом деле интересными. Причем данные не только на эмира Хафизова и его банду, собирающих на эту зиму у себя на базе множество различных эмиров с их джамаатами, но и на американского специалиста-психолога, полковника какой-то американской спецслужбы, предположительно Агентства национальной безопасности. Этот психолог считался специалистом по принудительному гипнозу и уже «засветился» двумя годами ранее на Украине и в Крыму. Что такому специалисту требовалось на Северном Кавказе? Это вопрос, который ставился перед старшим лейтенантом Арзамасцевым. И если сам он ответить на него не сможет, он должен захватить этого специалиста и передать компетентным органам, которые умеют развязывать языки.

– Товарищ старший лейтенант, теперь точно видно, что эти семеро идут на соединение с первыми четверьмя бандитами. По тому же маршруту выдвигаются, – доложил ефрейтор Балушкин, не высываясь из-за своего камня. Коммуникационная система «Стрелец» позволяла общаться, не видя друг друга.

– Я понял. Продолжай наблюдение. Картошкин!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Слышал, Сережа, данные?

– Так точно.

– Как пересекут черную трещину, принимай наблюдение на себя. Нам их будет времени совсем не видно.

– Понял, товарищ старший лейтенант. Работаем.

Группа старшего сержанта Сережи Картошкина состояла из шести человек, включая его самого. Бойцы заняли позицию на высоком отроге горного хребта, откуда все было хорошо видно. И бандитскую тропу, ведущую к ближайшему селу, и само село.

Старший лейтенант, забравшись на гребень, сам посмотрел в бинокль на новую группу бандитов, после чего убрал бинокль в жесткий футляр, спустился на полтора метра ниже, вытащил трубку смартфона и позвонил комбату, чтобы доложить ситуацию.

– Я понял тебя, Валентин Палыч. По твоему мнению, насколько велика может быть банда, которую ты обнаружил?

– Большая банда, товарищ подполковник. Судя по тому, что за продуктами идут одиннадцать рюкзаков, и при этом часть продуктов они уже принесли с собой, – должна быть необыкновенно для нынешнего времени большая банда. Не исключено, что это не первый их поход, но и не последний. Более точных данных пока не имею, и допросить пока некого.

– Я почему спрашиваю... У нас тут по второй операции подмогу запрашивают. Им необходимо еще три участка подходов к границе перекрыть, а сил не хватает. Я ведь два взвода держу в помощь тебе, но придется их отправить на границу. Им срочно требуется, а тебе – непонятно еще, когда потребуется. Может, на границе к тому времени уже все завершат. Надо отправлять ребят. К тому же вертолеты я уже заказал, вылететь смогут сразу. Если что, докладывай. Сам в бой с большой бандой не вступай, если будет возможность, только отследи, где у них база, а там видно будет, что следует предпринять. Если с границы никто не освободится, будем искать другие варианты. Может, полицейский спецназ подошлем в помощь...

– Вот этого лучше бы не делать, – возразил Арзамасцев. – Спецназ внутренних войск – еще куда ни шло, а полицию – лучше не надо. Если бандитов много, нам в серьезном бою придется только полицию защищать. А кто в таком случае будет защищать нас? Нет, товарищ подполковник, не надо полицию. Без них справимся, своими силами. Но мы постараемся отработать аккуратно.

– Хорошо. Но ты будь в курсе, что помощь тебе подослать не смогу. Пока еще не смогу. Что будет через несколько часов, не знаю, а пока – никого не будет. Но ты все равно до середины ночи ни во что ввязываться не спеши. Отслеживай пока. Там будем ориентироваться, исходя из обстановки.

– Я понял, товарищ подполковник. Будем предельно аккуратно.

– И последнее, Валентин Палыч... Сообщение получил?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Постарайся аккуратнее отработать. Если это действительно та самая банда, то для нас захват того парня из АНБ¹ будет большой удачей. Это политический вопрос. Такие решаются на уровне министров иностранных дел, но никак не командиров взводов вместе с командирами батальонов. Он очень нужен живым. Когда стали собирать данные и объявилось наличие этой фигуры, вопрос сразу забрался так высоко, что нам его не видно. Понимаешь меня?

– Так точно.

– Задание не из местных структур идет. Выше уровнем. Персональное задание тебе. Если бы предстояло выбирать, кого против этого американца послать, выбор все равно на тебя бы пал. Понимаешь, о чем я говорю?

– Так точно, товарищ подполковник. Понял...

¹ Агентство национальной безопасности США. – Здесь и далее примечания автора.

Глава первая

Еще будучи капитан-лейтенантом военно-морского флота США, полковник АНБ Джефферсон Даррелл окончил высшую школу психологии при Принстонском университете по закрытому курсу в специализации «принудительная суггестология»² и получил ученую степень бакалавра психологии. Курс этот был особым и предназначался исключительно для сотрудников спецподразделений и полиции. И потому, чтобы оправдать необходимость подобного обучения, в дальнейшей своей службе Даррелл всегда старался использовать полученные знания, постепенно приобретая и опыт. Это порой позволяло добиваться результата там, где его невозможно было добиться другими методами. И соответственно командование поручало ему участие в операциях и проектах, где можно было использовать именно эти знания. Работа, проделанная уже в течение года полковником Дарреллом на Северном Кавказе, была из этого же разряда. И использовать свои возможности гипнотизера полковник стремился по полной программе. Правда, еще перед командировкой ему пришлось спешно выучить практически все основные и в какой-то степени родственные языки народов Северного Кавказа. А языки эти даже сосчитать трудно, хотя их родственность и лингвистическая и фонетическая схожесть задачу облегчали. Только уже на месте полковник сообразил, что разработчики операции, называемой официально гуманитарной миссией, хотя и наполовину нелегальной, просчитались во внешне малозначительной детали, заставив Джефферсона Даррелла сильно и излишне попотеть мозгами. По большому счету, следовало выучить только русский язык, и на нем можно было разговаривать с любым кавказцем. Потому что, если носители разных языков друг друга не понимают, они общаются на русском, который знают все.

Минувшим летом, перед тем как начался у повстанцев, как мягко называл их он сам и его командование, очередной боевой сезон, Даррелл уехал сначала в Грузию, оттуда слетал на Гавайи, где постоянно проживали его жена и трое детей. И вернулся только осенью. Ему нечего было делать там, где повстанцы вели боевые действия. Это была не его стезя, и она не имела отношения к его заданию, хотя стрелять полковник умел не просто хорошо, но великолепно, однако предпочитал не пользоваться этим своим талантом. Его задание носило чисто гуманитарный характер, как говорил сам полковник. В случае участия в каком-то боевом действии его сразу определили бы по внешнему виду и начали бы строить ловушки, посчитав за иностранного наемника. С этим на Кавказе строго. Или, что лично для полковника гораздо хуже, за ним начали бы охотиться русские снайперы. Если снайперы выходят на охоту за конкретным субъектом, то ему следует сразу заказывать себе на собственный вкус гроб. Эту непреложную истину, справедливую для всех «горячих точек» земли, Даррелл знал хорошо. А за наемниками снайперы охотятся часто. Наемники – обычно какие-то специалисты, а от специалистов особый вред, и потому противник стремится их поскорее уничтожить. Полковник был специалистом и наносил федеральным силам, наверное, немалый вред, причем долговременный и множественный. И все же время работы Даррелла – зима, когда повстанцы отдыхают и залечивают раны. За прошлую зиму полковник сумел хорошо поработать. Так же продуктивно намеревался поработать и в зиму нынешнюю.

² Суггестология – гипноз, внушение. К принудительной суггестологии обычно относят скрытые формы гипноза, например, цыганский гипноз и некоторые другие методы, как с созданием раппорта (взаимопонимания и взаимодействия между гипнологом и гипнотизируемым, например эриксоновский гипноз), так и без него. При этом отдельные скрытые методы гипноза допускают вложение в подсознание человека ключевой фразы или слова, которые при произношении вводят его в моментальный транс с возможностью полного подчинения личности. Некоторые специалисты-психотерапевты говорят о том, что невозможно под гипнозом заставить человека делать то, что противоречит его внутренним настройкам и принципам. При этом они явно лукавят, потому что лучше других знают – ничто не мешает заставить человека в состоянии транса убить другого, если внушить гипнотизируемому, что он этим убийством, скажем, кого-то спасает. Например, своего ребенка или вообще все человечество. Подобные методы скрытого гипноза также входят в систему обучения подобных школ.

Вместе с полковником Дарреллом в эту зиму на Северный Кавказ прибыл еще один специалист, которого сами повстанцы, как видел полковник, ставили несомненно выше, чем его самого, – капитан спецназа ЦРУ Кит Барман, квалифицированный диверсант и инструктор, он делился своим опытом работы в разных странах мира. Этот опыт повстанцы тоже принимали критически, считая, что сами знают и умеют больше, тем не менее капитан Барман был для них почти своим в отличие от полковника Даррелла, который старательно держал дистанцию от всех, осознавая и сохраняя свое интеллектуальное превосходство. Громадная разница в званиях позволяла, конечно, Дарреллу держать и капитана на дистанции, но он к этой привилегии не прибегал. Тем не менее «популярность» капитана среди дикарей, как он мысленно называл местное население, грубо говоря, раздражала полковника.

Барман это чувствовал, поэтому старался держаться от Даррелла в стороне, не навязывался ни в друзья, ни даже в собеседники. Разговаривали два американца друг с другом больше по необходимости или просто так, ни о чем. Это устраивало и того и другого...

Глава вторая

Эмир Чамутдин Шамилиевич Фикретов, по кличке «Фикса», сам не всегда участвовал в акциях, проводимых его джамаатом. Только в самых важных, когда велика была необходимость принятия значимого решения, которое кто-то другой принять без эмира не решился бы. Обычно он говорил своим моджахедам, что ноги и руки должны делать то, о чем думает голова. Головой он называл себя, и это, по сути дела, так и было, потому что все «дела» джамаата являлись как раз продуктом деятельности этой головы. А его руки и ноги – это как раз моджахеды и есть. Так гордо он называл своих бандитов, за плечами большинства из которых было не по одной «ходке» на «зону», и только один молодой Саидахмет Салманов пока еще не удосужился познакомиться с судом и безжалостными конвоирами. Фикретов его спас как раз в нужный момент, когда за ним уже выехала полицейская машина с «группой захвата». По большому счету, это была случайность, которую Чамутдин Шамилиевич выдал за закономерность, чтобы поднять свой авторитет в глазах Саидахмета. Но он не только свой авторитет всегда старался поднять, но и авторитет членов своего джамаата. Звание моджахедов бандитам нравилось. Это придавало им какой-то новый вес и давало новые ощущения. По крайней мере, они сами себя чувствовали выше, когда их так называли. Ведь моджахед³ – это участник джихада. Более того, погибший моджахед считается шахидом, то есть мучеником за дело веры. Раньше они были просто бандиты и уголовники, а стали чуть ли не политическими деятелями, которым впору в Государственную думу выбираться. Но там, как они слышали, своих бандитов хватает, и потому не сильно стремились.

В этот раз акция была простейшая, и никакого решения принимать там не следовало, надо было только действовать, тем не менее эмир сам принимал в ней участие. Произошло это, во-первых, потому, что дорог был каждый ствол, а во-вторых, сразу после акции следовало уходить в горы на зимовку. Джамаат уже ждали. И не стоило джамаату и эмиру тратить время на взаимные поиски перед отправкой в горы. Однако получилось все не так, как они рассчитывали. Вернее, не так, как рассчитывал Чамутдин Шамилиевич. Но в этом не его вина. Он не мог все предусмотреть, как не мог все знать заранее. Этого человеку, даже самому умному и самому талантливому, Аллахом не отпущено. Все может знать только сам Аллах!

Нынешнюю зиму в отличие от прошлой, когда он распустил до весны своих моджахедов по домам, а сам отправился в Дубай погреть на солнце кости, эмир планировал провести в горах вместе со своим джамаатом. Отправлять людей по домам он больше не желал, потому что в минувшую зиму потерял четверых бойцов. Трех просто увидели, скорее всего, соседи и донесли, за что чуть позже жестоко поплатились. Не разбираясь особенно, кто именно виноват, Фикретов приказал их расстрелять, а дома сжечь. А один из погибших сам не удержался, влез в простую уголовщину, ограбил магазин и попался, не успев уйти с украденным даже за квартал. Для маленького джамаата такие потери оказались существенны. И во избежание незапланированного ослабления джамаата, во избежание так называемых небоевых потерь Чамутдин Шамилиевич решил провести зиму в горах, для чего договорился с эмиром Эльмурзой Хафизовым, готовым предоставить свою базу. В качестве оплаты Хафизов принимал продукты питания и запас дров и требовал наличия таких продуктов и запаса дров у тех, кто будет зимовать рядом с ним. Дрова – дело наживное, пока не выпал снег, за ними всегда можно сходить. А вот с продуктами питания вопрос был более сложным, хотя тоже решаемым. В дополнение

³ Моджахед – в европейских языках термин «моджахед» часто воспринимается как синоним понятия «исламский боевик», «террорист». Во многом это связано с тем, что моджахедами себя именовали многие вооруженные противники политики европейских государств, прибегавшие в том числе и к террору. Аналогично понимаются и термины «джихад» и «шахид», ставшие широко известными на Западе именно в связи с войнами и терроризмом. Сами арабоязычающие обычно считают это некорректным и используют для террористов иные обозначения в отрицательном ключе.

ко всему Эльмурза Шуайбович предлагал эмиру Фикретову пройти курс занятий с американским специалистом. Что за занятия, Фикретов толком не понял, понял лишь, что они будут посвящаться созданию единой повстанческой армии на Кавказе. Более подробно Хафизов по телефону объяснить не мог. За участие в занятиях американец должен был даже заплатить. Это Фикретова тоже устраивало.

Оставалось только вопрос с продуктами решить. Решать его Чамутдин Шамилиевич желал в своей привычной манере. В самом деле, не покупать же продукты. Да и вообще бандитская натура не позволяла ничего покупать. У каждого моджахеда джамаата Фикретова давно уже в кровь вьелась привычка брать то, чего хотелось, силой и под угрозой оружия. Эта привычка укоренилась в их сердцах еще задолго до того, как все эти люди стали членами одного джамаата...

Продуктовые склады внутренних войск располагались на окраине недалекого от гор большого поселка. Но кроме ограниченной минимальной охраны самого склада, вернее, нескольких складов, в поселке не стояло воинских частей. Были еще кладовщики-прапорщики, что оружия в руках никогда не держали и должности занимали, по сути дела, гражданские. Отделение полиции, имеющее свой бронетранспортер и двенадцать человек в наличии, естественно, серьезной силой для Фикретова не являлись, и эмир всерьез не брал возможное столкновение с полицейскими. Хотя, несмотря на свое пренебрежение «ментами», на их блокировку, он все же выделил троих своих моджахедов с «РПГ-7» и ручным пулеметом. Этого, по замыслу Фикретова, было достаточно, чтобы отбить у полицейских желание куда-то соваться. Гранатомет был заряжен термобарической гранатой, имелись на всякий случай и осколочные гранаты. При таком сильном ударе желание «ментов» повоевать способны полностью погасить трое. А остальные девять моджахедов плюс сам эмир должны были заняться складами.

Небольшая сумма в долларах оказалась достаточной для одного из складских кладовщиков, чтобы он нарисовал подробный план базы, расписал, какие продукты на каком складе хранятся, отметил расположение постов охраны, даже написал номер единственного грузовика базы из трех имеющихся в наличии, который был на ходу. И подсказал, как лучше проникнуть в гараж, чтобы с пулеметной вышки моджахедов не заметили.

Все действия были спланированы заранее, все просчитано, и осечки, как говорится, быть не должно. Единственное, что не было запланировано, – это то, что, скорее всего, в самый последний момент приехал целый взвод «краповых беретов» за продуктами. Но склады им никто открывать не стал, предложив подождать до утра. Местные власти устроили спецназ внутренних войск на ночевку в школьном спортзале, поскольку единственная гостиница в поселке была частная и такую гостиницу требовалось оплачивать, а у местной власти денег в бюджете на такие расходы предусмотрено не было. Вот об этом-то эмир знать не мог, так как поторопился сменить сим-карту на своей трубке, а прапорщика – он стал для Чамутдина Шамилиевича уже отработанным материалом – в известность не поставил, и потому о визите «краповых» тот уже не мог его предупредить.

Эмир начал свою атаку, разделив джамаат на две неравные части. Сначала троих отправил в гараж. Они на машине подъехали к воротам гаража, посигналили. Вышел часовой солдат без оружия. Узнав, кто здесь старший, попросили вызвать его. Вышел сержант, но уже с автоматом. Ему предложили двести баксов за разрешение оставить машину до утра. Сержант баксы сразу сунул в карман, но сказал, что спросит разрешения командира караула, и ушел. В окно караульной будки было видно, как он разговаривает с кем-то по внутреннему телефону. Эмир уже знал, что на территории гаража приезжие часто оставляют под присмотром военных свои машины. Это казалось более надежным, чем оставлять их на улице.

Наконец сержант дал знак солдату, и тот распахнул створки ворот. Вдвоем солдат с сержантом прошли вперед и показали место, куда можно поставить машину. Машина встала, и

сразу из окон высунулись стволы автоматов. Очереди прозвучали без задержки. Эти очереди были сигналом эмиру и оставшимся с ним людям. Преодолев не очень высокий забор, они выбили дверь караульного помещения, стекла в окнах и забросали само помещение ручными гранатами. И только после этого вошли сами, чтобы добить троих оставшихся в живых солдат караула. При этом знали, что это лишь третья часть всей охраны, остальным нужно еще, по крайней мере, пять минут, чтобы добраться до складской базы от своей казармы. Но на их пути уже были выставлены два взрывных устройства, и пулемет подрагивал стволом от нетерпения. Сам пулеметчик должен был выбрать момент, когда следовало активизировать взрывные устройства.

Тем временем в гараже трое моджахедов быстро нашли кабинет начальника, ногами выбили хлипкую дверь, без помех взяли с доски на стене ключи от машины, номер которой они знали, завели без проблем тяжелый «КамАЗ» и проехали на территорию базы, сбив по пути легкие, хотя и металлические ворота, разделяющие территорию гаража и собственно складских помещений.

Почти одновременно с появлением машины раздался взрыв, а буквально через несколько секунд – и второй. А потом заговорил пулемет. Но стрелял он недолго. Пулеметчик, он же и взрыватель, одновременно активировал взрывные устройства. Видимо, охрана излишне поторопилась, стремясь помочь караульной смене, хотя помогать было уже некому. Однако Чамутдин Шамилиевич мысленно ругнул пулеметчика. Ему показалось, что тот начал стрелять раньше, чем могла осесть пыль после взрывов. То есть стрелял вслепую, не видя, в кого может попасть. Но судя по тому, что ответной стрельбы не последовало, взрывные устройства, начиненные большим количеством поражающих элементов в виде болтов и гаек, свое дело сделали.

Осталось малое. Загрузить машину продуктами питания и вместе с ними отправиться напрямую в сторону гор. Хотя теперь можно было не слишком торопиться, потому что полиция, двинувшись в сторону выстрелов и взрывов, тоже нарвется на засаду и будет уничтожена, а больше, как считал Фикретов, в поселке нет сил, способных помешать им взять на выбор то, что понравится. И все же эмир торопил своих моджахедов. Эта привычка – быстро нападать и быстро уходить – не подвела и в этот раз.

В кузов грузовика успели загрузить сухие пайки, предназначенные для спецназа внутренних войск, и макаронные изделия и только двинулись к складу-холодильнику, где хранились консервы, как вдруг Фикретов почувствовал что-то неладное. Может быть, у него и правда было острое чутье на опасность. Но вполне вероятно, что эмир просто услышал выстрел из гранатомета и взрыв – это детонировали боеприпасы в бронетранспортере полиции. Потом заговорил пулемет, но через короткий промежуток времени прозвучал второй выстрел из «РПГ-7». В кого стреляли гранатометчик и пулеметчик? Значит, не всех сумели уложить сразу? И тут же снова заговорил сначала ручной пулемет, а потом еще два пулемета и следом скорострельная пушка. Ручной пулемет не ответил, и гранатометчик замолчал. Похоже, навсегда. Значит, забирать с места схватки уже некого. А скорострельная пушка стоит на вооружении боевой машины пехоты, как хорошо знал Фикретов. Откуда здесь могла взяться боевая машина пехоты, да еще два пулемета, судя по звуку, большого калибра. Скорее всего, тоже с БМП.

Чамутдин Шамилиевич, не долго думая, дал команду прекратить погрузку, всем садиться в машину и выезжать с базы. Сам он с ручным пулеметом в руках занял место в кабине.

Вовремя эмир среагировал. Едва «КамАЗ» миновал поселковую площадь, чтобы выехать на дорогу в сторону гор, как с боковой дороги на ту же площадь вылетела самая настоящая БМП, на броне которой сидели парни в «краповых беретах». С БМП грузовик в сумерках неосвещенной улицы не заметили, но в грузовике боевую машину увидели и дали знать эмиру. Противники двигались встречными курсами, и это дало возможность джамаату покинуть поселок и создать пусть небольшой, но все же запас времени, которого могло бы и хватить для спасения. Эмир тут же позвонил прапорщику-кладовщику и узнал от него, что в поселок при-

была за продуктами машина спецназа внутренних войск с прикрытием в виде боевой машины пехоты. Интуиция Фикретова не подвела. Он дал водителю приказ, и тот «погнал лошадей», не жалея ни машину, ни людей, сидящих в кузове.

Возможность уехать от поселка как можно дальше была. Холмы, хотя и каменистые, но пригодны для проезда такой машины. В некоторых местах танк мог бы на высокий камень брюхом сесть, а «КамАЗ» проезжал благодаря высокому клиренсу. За рулем был человек, который много лет водил «КамАЗ» и знал возможности этой машины, потому Фикретов только дал основное направление, и этого было достаточно. Надо как можно быстрее добраться к зимней базе эмира Хафизова. Как можно ближе, чтобы люди эмира имели возможность перетаскать продукты питания из кузова. Этого хватило бы на всех не на одну зиму...

Когда вдалеке показались отроги гор, хорошо различимые на фоне неба, Чамутдин Шамилиевич позвонил Хафизову:

– Эльмурза Шуайбович, здравствуй. Фикретов до тебя добирается.

– Здравствуй, Чамутдин Шамилиевич. Как твои дела? Ждать нам тебя или нет?

– Я уже рядом. Направляюсь в вашу сторону. На военном грузовике. Половина кузова продуктами завалена. Готовь грузчиков, скоро буду. Мне уже вершины гор видны. Готов встретить?

– Если приглашал, значит, встретить готов. Только ко мне близко подъехать невозможно. Ты с какой стороны подбираешься? Из села?

– Нет. От поселка... – И Фикретов назвал поселок, где его бандиты захватили продуктовые склады.

– Оттуда в нашу сторону близко даже на танке не проедешь.

– На танке, согласен, скорее всего, не проеду. А вот на «КамАЗе» можно. Я по карте смотрю, до тебя еще далековато, а до ближайшей каменной гряды километров пятнадцать. Выслал бы человек двадцать, если наберешь столько свободных. Пусть с рюкзаками идут встречать. Прямо к каменной гряде. Сколько можно унести, унесем, а остальное, может быть, вторым рейсом. Не пропадать же добру.

– Это да. Согласен. А что за продукты?

– В основном сухие пайки спецназа внутренних войск. И разные макароны. Прямо в коробках все. Если бы можно было проехать дальше...

– На «если бы» нам рассчитывать не приходится, мы в горах. А ты едешь с включенными фарами?

– У меня тут еще не стемнело, без света обходимся. Но пока к гряде доберемся, будем вынуждены ехать с фарами. Темнеет здесь быстро.

– Тогда прижимайся как можно ближе к горам. И фары оставь включенными. Я pošлю двадцать человек, они помогут донести.

– Не опасно будет стоять с включенными фарами?

– Здесь посторонних нет. Хотя, если ты опасаясь, я могу дать своим моджахедам бинокль с прибором ночного видения. Они тебя найдут даже в темноте. Можешь фары выключить. Преследование за тобой не идет?

– В поселке не вовремя оказался взвод «краповых». Но они не видели, в какую сторону я поехал.

– Это хорошо, но ты на всякий случай выставь посты наблюдения.

– Обязательно. Как только остановимся, сразу выставлю.

Чамутдин Шамилиевич убрал трубку и махнул рукой вперед, словно приказывая водителю торопиться. Тот прибавил скорость, а вскоре вынужден был и фары включить.

Минут через пятнадцать такого пути Фикретов прислушался. Или двигатель шумел странно, или до слуха добирался какой-то посторонний шум. Он опустил в дверце стекло и

сразу понял, что в небе над ними летит вертолет. Это, как догадался эмир Фикретов, не вертолет джамаата Хафизова, горные джамааты, как, впрочем, и равнинные, и городские, своих вертолетов пока не имеют. А с вертолета могли увидеть свет фар машины, тем более что он пролетал почти над «КамАЗом». Высота, видимо, была не самая большая – это если судить по звуку. А чем выше вертолет летит, тем больше у пилота обзор. Но все равно уже ничего не поделаешь. Выключишь свет – это сразу станет подозрительным и только лишнее внимание к себе привлечет...

Вертолет – это всегда серьезная опасность для любого боевого джамаата. Тем более что в здешних малолюдных краях не летают рейсовые вертолеты. Обычно это бывают или полицейские, или армейские машины, или в лучшем случае пограничные, хотя формулировка «в лучшем случае» даже тогда будет просто бессмысленной фразой, потому что лучшего и это не несет. И полиция, и армия, и пограничники всегда внимательно следят за тем, что происходит внизу. И грузовик в горах, вне дорог, едущий с включенными фарами, обязательно привлечет внимание экипажа вертолета. А если это боевой вертолет, он наверняка снабжен приборами ночного видения, и эти приборы, возможно, позволяют рассмотреть, кто едет в кузове, не покрытом тентом. И тогда может последовать атака с воздуха. Обычно вертолеты попадают в грузовики первым же «НУРСом»⁴, хотя для порядка выпускают еще несколько, чтобы и землю вокруг разбитого ракетой грузовика выжечь.

Поэтому Чамутдин Шамилиевич высунул из окна голову и долго прислушивался к звукам с неба – не делает ли вертолет круг, не заходит ли в атаку. Он даже зримо представлял эту винтокрылую машину, хищно наклонившую нос для атаки. Но в этот раз все обошлось. Впрочем, Фикретов слышал где-то, что в горах ставят свои вышки операторы сотовой связи. Возможно, это их вертолет.

«КамАЗ» спокойно продолжал путь, хотя скорость с наступлением темноты сильно снизилась.

– Быстрее не можешь? – обратился эмир к водителю.

– Могу. Только зачем? Рисуем на камни брюхом сесть. Лучше уж уехать подальше. За нами никто не гонится, успеет.

Именно после этих слов водителя Чамутдин Шамилиевич наклонился, чтобы ему было видно боковое зеркало заднего вида, всмотрелся в темноту позади «КамАЗа», но ничего не увидел. И одновременно с этим движением эмира кто-то из кузова постучал по кабине. Не приказывая водителю остановиться, Фикретов открыл дверцу и высунулся наружу, крепко держась за кабину обеими руками.

– Эмир, мне показалось, я видел позади свет фар, – сказал один из моджахедов. – Словно за нами следом кто-то едет. Свет колыхнулся, сначала поднялся вверх, потом опустился и пропал.

– Еще кто-то видел?

– Я, кажется, видел, – ответил второй. – Но только в самом конце, когда луч уже опускался.

– И я видел, – добавил третий. – Тоже в последний момент. Не дольше секунды.

– Глуши двигатель, – приказал эмир водителю.

Тот послушно остановил машину.

Чамутдин Шамилиевич долго прислушивался. Вместе с ним прислушивались и бойцы в кузове. Но ветер был боковой, достаточно сильный, и все звуки уносились в сторону. Хотя самому Фикретову в какой-то момент показалось, что он вроде бы услышал отдаленный гул. Так гудеть мог только мощный двигатель боевой машины пехоты или трактора на пахоте. Но

⁴ «НУРС» – неуправляемый реактивный снаряд, основное оружие российских боевых вертолетов.

здешнюю каменистую землю не пашут, тем более по ночам, и длился этот звук всего пару секунд, никак не больше, поэтому за него вполне можно было принять завывание ветра в камнях.

– Кто-нибудь что-то слышал? – спросил Фикретов у своих бойцов.

– Вроде бы, – отозвался один из моджахедов с заднего сиденья кузова, – где-то двигатель прошумел.

Больше никто ничего не слышал. Но и того, что выяснилось, Чамутдину Шамилиевичу было достаточно.

– Все. Едем как можно дальше. БМП далеко проехать не сможет, но у них еще грузовик есть. Если появятся фары, мы их сразу увидим. Едем...

В любом случае следовало добраться как можно ближе к джамаату Хафизова. Если Эльмурза Шуайбович выслал, как обещал, двадцать человек навстречу, они идут наверняка не только с пустыми рюкзаками, но и с автоматами, поскольку без автоматов в этих местах люди не ходят. Даже чабаны, выгоняющие весной отары, и те берут с собой автомат. А уж моджахеды – тем более. Двадцать стволов чего-то стоят. С такой поддержкой можно встречать спецназ внутренних войск. Можно даже в засаду его заманить. Только место для засады следует найти подходящее. Хотя ночью «краповые» атаковать по-настоящему не смогут. Они не смогут даже определить, какие силы на них напали, хотя, если командир у них опытный, он сможет понять это по простому подсчету количества стреляющих стволов. Опытный командир легко делает это по звуку. Но командиры тоже знают, что легко начать стрелять одной группой по фронту, а две группы выставить по сторонам, чтобы потом наступающий спецназ поставить под кинжальный расстрел с трех сторон. Тем более профиль почвы здесь везде позволяет это сделать. Сплошь низины и гребни. По гребням в атаку идти неподручно, на фоне неба идущих людей заметно издали, да и камни там крупные. А идти по низине – значит пойти на значительный риск нарваться на атаку с трех сторон. И в тех же камнях на гребнях удобно позицию занимать для обстрела низины. Слава Аллаху! Он знал, как эти горы устроить, чтобы они были полезны горцам и опасны для пришлых.

«КамАЗ» надсадно гудел на низкой передаче, но упрямо карабкался даже по камням, перекатываясь с одного на другой – все дальше и выше, все ближе к горам. Но даже та небольшая скорость грузовика была в два с лишним раза выше скорости, с которой мог бы передвигаться человек. Тем более человек с грузом. А груз каждому предстояло тащить немалый. Но все понимали, что долго это передвижение продолжаться не будет. Так и получилось. Под машиной что-то заскрежетало, заскрипело, и водитель тут же заглушил двигатель.

– Все. Приехали. Дальше уже никак. Сели на брюхо...

Фикретов открыл дверцу и крикнул в сторону кузова:

– Разгружаем! Быстро! И сразу после разгрузки переносим. Я место подберу.

Чтобы подобрать место, даже просто дойти до него, Чамутдину Шамилиевичу пришлось воспользоваться фонариком, без подсветки он рисковал ноги себе переломать. Но подходящие скалы нашлись неподалеку, метрах в пятидесяти от грузовика. Они создавали стену, которая прикрывала от взоров со стороны машины, то есть с той стороны, откуда могло прийти преследование. Это давало возможность даже во время боя, если подспеют вовремя посланные эмиром Хафизовым люди, вынести ближе к горам украденное на базе. А позицию для активной обороны можно было занять рядом с самим «КамАЗом». Место там вполне подходящее.

Горы быстро погрузились в темноту, но Фикретов знал, что до них уже недалеко и стоило ждать скорой подмоги. Это обещало успешно справиться с делом. А груз начали переносить сразу. Все вместе, даже сам эмир примкнул к своим бойцам.

Глава третья

Вторая группа бандитов шла напрямик туда, где уже устроилась первая, ждущая темноты, чтобы войти в село, никому не попадаясь на глаза. Семеро стремились соединиться с четверьмя первыми. Видимо, места эти бандитам были хорошо знакомы, и они двигались безостановочно, без поисков каких бы то ни было ориентиров, более того, шли, даже не присматриваясь к окружающему, поскольку в этих местах опасности для себя, кажется, совершенно не ждали. Или просто их вел человек, который уже много раз пользовался этим маршрутом.

– Товарищ старший лейтенант... – издали позвал старший сержант Картошкин.

– Слушаю тебя, Сережа, – отозвался командир разведвзвода.

– Вторая группа идет на соединение с первой. Первая их видит, тот, что первой командует, приготовился встать, чтобы пригласить. Это он звонил в село. Подозреваю, он в двух группах будет старшим.

– Аргументы...

– Его манера поведения. Это кто-то из младших эмиров, может быть, даже не из младших. Или эмир целого джамаата. Очень властно рукой отдает распоряжения. Простые бандиты так не командуют. Ему подчиняются по одному знаку. Визуальные ощущения, товарищ старший лейтенант. Да, вот смотрю на него и вижу, что он командует.

– Верю, Сережа, верю, ты на бандитов успел насмотреться.

– Товарищ старший лейтенант, – перебил разговор рядовой Аверьянов, – еще одна группа идет. Большая. Тоже с рюкзаками. Считаю... Двадцать человек.

– По тому же маршруту?

– Нет. В другую сторону. Куда-то к холмам, через которые мы сюда шли.

Разведвзвод, имея данные о маршруте четверых бандитов, высаживался с вертолета вдалеке от гор и добирался до места, где следовало искать базу, своим ходом. Так что та местность была хорошо знакома старшему лейтенанту.

– Что им там делать? Там нет ни одного села поблизости. И дороги нет, куда доставить могут. Смотри внимательнее.

– Туда идут, – подтвердил ефрейтор Балужкин. – Два десятка бандитов. С пустыми рюкзаками, как и первые группы.

– Анфилатов! – позвал по связи старший лейтенант командира первого отделения.

– Я! – отозвался снизу младший сержант контрактной службы.

– Ко мне!

Арзамасцев посмотрел вниз, где пока отдыхала большая часть разведвзвода. Анфилатов покинул товарищей сразу, понимая, что просто так, без причины, командир взвода не затребует его к себе, и начал быстро взбираться к гребню, помогая себе руками. Таким образом младший сержант скоро оказался с командиром и сразу залег рядом, переводя дыхание.

– И чего разлежся!.. – с легкой усмешкой произнес Арзамасцев. – Возьми свой бинокль, посмотри, куда группа идет, прикинь по карте направление и выдвигайся со своим отделением наперерез. Или догоняй... Как придется... Скоро совсем стемнеет. Возьми с собой снайпера. Наблюдать будете через твой бинокль и через прицел. Докладывай постоянно, каждое изменение обстановки. Все понял?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – Младший сержант контрактной службы вытащил бинокль из футляра и поднял его к глазам. Смотрел недолго. Дважды опускал и сверялся с картой, чтобы определить свой маршрут.

– Тогда дуй быстрее и, пока еще не стемнело, постарайся побольше пройти. Определи направление и двигайся туда. Себя не обнаруживай, в бой не вступай. Если возникнет какое-то обострение, без моей команды ничего не предпринимай. Это категорично. Связь поддер-

живай постоянно, – повторил командир инструкции, хотя обычно спецназовцы повторения не требуют, схватывают задачу сразу, что называется, с полуслова.

– Есть, ничего не предпринимать без вашей команды, – повторил младший сержант, убрал бинокль в футляр, перевернувшись на спину, козырнул и поспешно стал спускаться. В итоге через несколько секунд первое отделение взвода в полном составе, поскольку никто из бойцов первого отделения не ушел ни с командиром на гребень, ни с заместителем командира взвода на дальний отрог, отправилось на самостоятельную разведку. Командир разведвзвода провожал отделение взглядом, пока солдаты не скрылись за соседним гребнем, который преодолевали стремительным рывком, чтобы никому не показаться на глаза. Это был ответственный момент, потому что гребень был высоким. Но никакой реакции не последовало, значит, бандиты в ту сторону не смотрели, иначе старший сержант контрактной службы Картошкин сообщил бы командиру об этом.

– Сережа! Картошкин! – все же, не удержавшись, позвал старший лейтенант. – Как там твои бандиты? Ничего не видели?

– Они, товарищ старший лейтенант, встречают вторую группу. Не до наблюдений. Встретились, сейчас что-то обсуждают, руками показывают в сторону села, на небо смотрят – явно темноты ждут. Их сельский снабженец боится, видимо, себя перед соседями скомпрометировать.

– Снабженец, похоже, не единственный, если вторая группа, вдвое большего состава, вышла в другую сторону. Витя, Анфилатов!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Поддерживай связь. Слышишь меня нормально?

– Так точно. Слышимость, словно вы в нашем строю.

– Считай, что так оно и есть, но ситуацию все равно докладывай. Пользуйся техникой, если получил. Привыкай. Где сейчас находишься?

Арзамасцев подтянул к себе кожаный офицерский планшет, раскрыл его и положил перед собой карту, прикрытую прозрачной пленкой. В подступающих сумерках карту видно было плохо, и он подсветил себе маленьким фонариком-авторучкой, чтобы определить движение своего отделения и группы бандитов.

– Миновали еще одну гряду. Небольшую. Направление держим по абрису. Я по карте смотрел. Выбрал путь, чтобы только через небольшие гряды перебираться. Не хочу «светиться». Хотя уже скоро стемнеет...

Карты в этой операции имел не только командир взвода, но и его заместитель, старший сержант контрактной службы Картошкин, и три командира отделения. Нечасто разведвзвод так снабжается картами, но в этот раз штаб расстарался. И это уже само по себе говорило о важности операции.

– Слушай сюда, Анфилатов. До темноты ты обязан сократить дистанцию до приличной. Значит, добавь скорость. Если, конечно, это возможно.

– Невозможно, товарищ старший лейтенант. Идем чуть-чуть за пределом возможного.

– Понял. Я и не сомневался. Работай. Только про доклад не забывай.

– Работаем... – на ходу завершил разговор младший сержант.

Командир разведвзвода не сомневался в словах командира отделения. Если младший сержант сказал, что идут выше предела возможного, значит, идут именно так. Для спецназа ГРУ это нормальное явление. Там все и постоянно приходится делать за пределами своих возможностей. И именно потому на тренировочных занятиях спецназа всегда такие мощные нагрузки. И подгонять отделение смысла нет никакого...

Младший сержант контрактной службы Витя Анфилатов не сомневался, что он вместе со своим отделением в состоянии и догнать, и, если понадобится, перегнать бандитов, идущих, в

общем-то, целеустремленно и быстро. Естественно, для себя, своих эмиров, своих товарищей и своих возможностей – целеустремленно и быстро. Но бандиты никогда не умели ходить так, как ходят солдаты спецназа ГРУ, даже если в банде оказывались вчерашние спортсмены. И вообще быстрота передвижения – это характерная особенность спецназа военной разведки. Так что, даже соблюдая все меры маскировки и предосторожности, отделение шло почти в два раза быстрее, чем два десятка бандитов.

Где местность позволяла, где камни были мелкие или крупные просто лежали в отдалении один от другого, там отделение передвигалось бегом, где большие камни лежали часто, темп приходилось сбрасывать и чередовать бег с прыжками и с быстрым шагом. Анфилатов намеревался преодолеть таким темпом как можно большее расстояние, понимая, что подступающая вечерняя и идущая следом ночная темнота лишит отделение возможности поддерживать принятую скорость передвижения. И слабым утешением служила мысль о том, что бандиты с наступлением темноты тоже вынужденно пойдут медленнее.

Темнота застала первое отделение разведвзвода еще до того, как взвод вышел на близость визуального контроля бандитов. Пришлось включить систему ночного видения в бинокле, да и снайпера, младшего сержанта Толика Ратоборцева, попросить прибегнуть к помощи тепловизионного прицела.

Небо не было затянуто тучами. Звезды светили, как всегда бывает высоко над уровнем моря, особенно ярко и излучали какое-то слегка колющее свечение. Но и этот холодный свет позволял все видеть у себя под ногами и не спотыкаться на каждом камне.

– Анфилатов! – снова вышел на связь старший лейтенант Арзамасцев.

– Слушаю вас, товарищ старший лейтенант! – сразу отозвался командир отделения.

– Почему не докладываешь? – Командир разведвзвода спрашивал строго, показывая свое недовольство недостатком получаемой информации.

– А пока и докладывать нечего. Идем маршрутом, скорее всего, через несколько минут встретимся с бандитами, по крайней мере, сумеем их лицезреть визуально. Думаю, что они должны идти с фонариками. Правда, ночь светлая и фонариками пользоваться необязательно, потому контролируем пространство впереди с помощью моего бинокля и прицела снайпера. Все стандартно, товарищ старший лейтенант. Если будут изменения или какие-то сложности, я сразу доложу.

– Хорошо, Витя, работай. Не буду надоедать.

Командир разведвзвода сказал это извинительным тоном. Анфилатов хорошо знал старшего лейтенанта и давно привык к такой манере общения. Вполне деловое общение. Младший сержант за свою службу встречался с солдатами других подразделений армии и видел, что везде отношения солдат и офицеров разные. В спецназе ГРУ тоже, кстати, разные в разных взводах, но в военной разведке как-то меньше чувствуется разница между офицером и солдатами, особенно солдатами и сержантами контрактной службы. А таких в спецназе ГРУ большинство.

Однажды младший сержант слышал, как комбат подполковник Ослов беседовал с пополнением, с молодыми офицерами, и объяснял им:

– Какое главное качество офицера спецназа? Это я вам скажу точно – воевать можно любого научить, хоть офицера, хоть солдата, хоть десантника, хоть военного строителя. А вот чувству ответственности научить трудно. У большинства людей это врожденное чувство. Есть оно или нет его, третьего не дано. Если нет, в спецназе такому человеку делать нечего. Офицер, командир в первую очередь, обязан иметь ответственность за своих солдат. Именно за солдат, а потом уже за задачу, которую перед ним ставит командование. И эта ответственность должна двигать командиром, когда он готовит своих бойцов к самым серьезным испытаниям. Если погибает солдат, то виноват в этом бывает офицер, непосредственный командир погибшего. Кто не умеет отвечать или не готов к такому, пусть лучше сразу пишет рапорт и переводится в любую мирную часть. Хоть в спецназ ВДВ, хоть куда угодно...

Старший лейтенант Арзамасцев эту ответственность имел. Он был жестким командиром взвода на занятиях, иногда даже чересчур жестким, как казалось солдатам. Но становился совсем другим человеком в боевой обстановке. Словно бы вину свою чувствовал за то, что привел взвод сюда, где пули летают и не спрашивают самих солдат, в кого им попасть. Насколько было известно младшему сержанту контрактной службы Виктору Анфилатову, за все время участия в боевых действиях взвод ни разу не понес потерь. В значительной мере заслуга в этом принадлежала командиру взвода, который хорошо готовил своих бойцов...

Только через пятнадцать минут движения в темноте младший сержант Ратоборцев, часто останавливающийся, чтобы поднять свою винтовку с тепловизионным прицелом, сказал, как показалось, громко и возбужденно:

– Вижу бандитов. Идут двумя колоннами.

Арзамасцев тоже услышал это сообщение. И сразу требовательно позвал:

– Анфилатов!

– Минутку, товарищ старший лейтенант. Есть у меня интересные наблюдения, сейчас разберусь. Всем внимание, себя не показывать! У противника бинокль с прибором ночного видения, возможно, даже с тепловизором. Я определить прибор точно не могу, в нашу сторону бандит с биноклем не поворачивается.

– Уверен? – переспросил Арзамасцев.

– Так точно. Ведущий, видимо младший эмир, посматривает в темноту. Вот, дал указание подкорректировать направление движения. Взяли чуть правее. Ищут какое-то место.

– Тепловизор, говоришь... Тогда он должен видеть биологически активный объект.

– Это я понимаю, – отозвался командир отделения. – Но мне не видно то, что видит бандит, скалы мешают. Толик, ты не видишь?

– Мне скалы мешают не меньше, чем тебе, – отозвался Ратоборцев. – А точка наблюдения у меня ниже твоей.

– Двигаемся вперед, до следующей гряды! – распорядился Анфилатов. – Через вершину – бегом, чтобы не дать времени их наблюдателю обернуться. За мной...

Командир взвода против такой команды не возразил, поскольку у него была только карта местности, а младший сержант видел многое визуально и ориентировался лучше. Пока микрофоны доносили учащенное и чуть более громкое дыхание бегущих солдат, Валентин Павлович, не желая сбивать младшему сержанту дыхание, вопросов не задавал. Но Анфилатов, понимая ситуацию, сам доложил.

– Товарищ старший лейтенант, – сообщил он торопливо, – машина перед скалами. Грузовик. И от грузовика группа, кажется, десять человек... нет, одиннадцать... несут какие-то коробки навстречу бандитам с рюкзаками. Это явно условленная встреча.

– Я понял. Ничего не предпринимать, только наблюдать, куда двинутся снабженцы, – к своему грузовику или пойдут в банду. Смотреть внимательно. Постараться определить направление, куда двинется грузовик. Он вынужден будет включить фары. Без света там не проехать. Будьте внимательны. И – осторожнее... Бинокль с функцией ночного видения у бандитов опасен. Я пока доложу комбату, чтобы попытались заблокировать грузовик на обратной дороге.

– Ой-ей-ей... – с удивлением в голосе сказал вдруг снайпер Ратоборцев.

– Что такое, Анатолий? – переспросил командир взвода, сам не имея возможности увидеть что-нибудь в той стороне. Более высокие отроги закрывали обзор с занятой разведчиками позиции.

– А тут, товарищ старший лейтенант, еще какие-то гости идут. В мой прицел разобрать, кто это, сложно, но, судя по всему, наши ненужные союзники. Если, конечно, союзники могут стать ненужными. По берегам посмотреть, это спецназ внутренних войск. Они двумя колоннами бандитов обходят и пытаются взять их в «клещи».

– Еще не легче! Они нам всю главную операцию сорвут! Спугнут бандитов, и мы потом подобраться к ним не сможем. Не вовремя такая помощь пришла, совсем не вовремя...

Старший лейтенант Арзамасцев спустился с гребня на пару метров, вытащил трубку и вызвал подполковника Ослова.

– Подполковник Ослов. Слушаю тебя, Валентин Палыч.

– Товарищ подполковник, ситуация круто меняется. Из базового лагеря бандитов вышла еще одна группа носильщиков с рюкзаками. Сразу двадцать человек. Двинулись в северном направлении...

– Понимаю...

– А я, товарищ подполковник, ничего понять не мог. В той стороне нет никакого села, вообще ничего. До дороги далеко. Но мое отделение, что пошло в преследование с наблюдением, увидело грузовик среди скал и группу других бандитов, идущую с грузом навстречу первым. Одиннадцать человек. Всего здесь, значит, тридцать один человек. Как грузовик так далеко от дороги забрался, сказать трудно.

– Лето было сухое. Земля жесткая, грязи нет. Проехали сколько смогли. Я тебе сказал, что понимаю. Это вот что значит. Сегодня вечером, перед наступлением темноты, какая-то достаточно сильная банда напала в поселке на продовольственные склады базы внутренних войск. Охрана уничтожена почти полностью. Бандиты при нападении потеряли только троих, которых выставили заслоном против отделения полиции. И ушли бы без проблем, но, к счастью или к несчастью, в поселке случайно оказался взвод «краповых» на грузовике и при поддержке боевой машины пехоты. Потому полностью загрузить машину бандиты не успели. Их заслон был уничтожен, и они уехали второпях...

– А «краповые», товарищ подполковник, как я ситуацию понимаю, пошли в преследование.

– Судя по твоим уверенным словам, «краповые» уже на месте? Нашли и догнали? Ну да, они должны были найти. Над предгорьями пролетал транспортный вертолет пограничников, с вертолета видели фары грузовика в предгорьях, там, где никаких дорог нет. Сообщили в оперативный штаб Антитеррористического комитета. Оттуда, как я понимаю, передали данные «краповым». Подожди... Но ведь они же, если догнали...

– Так точно, товарищ подполковник. Они нам всю операцию сорвут. Хотя приказ на их уничтожение я не прошу.

– Не скажу, что это приятное усиление нашей позиции. Я попробую через оперативный штаб связаться с «краповыми». Жди моего звонка. В пределах трех с половиной минут.

Подполковник Ослов сразу отключился от разговора, чтобы не тянуть время, а старший лейтенант Арзамасцев так и замер с трубкой в руках, ожидая звонка комбата. Тот позвонил ровно через три с половиной минуты, как и обещал. Аркадий Николаевич славился своей пунктуальностью.

– Валентин Палыч...

– Слушаю, товарищ подполковник.

– Неважные наши дела. Сеанс связи со взводом «краповых» только через час сорок. И то может не состояться, потому что стационарная рация у них должна остаться в БМП, а есть ли у них с собой полевая, в штабе не знают. Остановить их до этого не смогут. А они привыкли сразу работать на уничтожение. Сможешь сам их остановить?

– Не знаю еще, как это можно будет сделать, но попробую, товарищ подполковник.

– В крайнем случае отсеки их огнем из оружия с глушителями. Припугни, только аккуратно, чтобы не навредить...

– Что-нибудь попробуем сделать. Сделаем то есть, товарищ подполковник. Обязательно сделаем. Будем искать возможность. Вплоть до личного контакта...

Глава четвертая

Вообще-то полковник Джефферсон Даррелл в отношении еды был человеком непривередливым. Единственно, он всегда следил за своим весом, боясь лишних калорий, которые могли бы подпортить его сухопарую фигуру, и старался никогда не ужинать поздно. Но зимой, когда он оказывался в кавказских горах, ему приходилось подстраивать свой организм под местные условия. А условия были таковы, что костры жгли и сооруженные на скорую руку печи топили только ночью, когда со стороны и сверху невозможно увидеть дым. Завтрак был ранним, готовился и поглощался в темноте. Обед был всегда холодным, хотя и обильным. А общий ужин начинали готовить, когда темнота спустится не только в ущелье, но и на равнину. В принципе здесь не приходилось выходить из ущелья и смотреть, когда стемнеет в предгорье. Этот срок, продолжительностью в каких-то полчаса, знали все и просто выжидали его. После холодного обеда горячий поздний ужин ждали с нетерпением. Люди были голодны. К тому же горячая еда спасала в какой-то мере от зимнего холода. Южные российские республики были сплошь высокогорными, а зимние горы не балуют теплолюбивых людей своим климатом. Летом здесь рай, но зимы в горах холодные.

– Кит, у тебя нет чего-нибудь перекусить, – спросил полковник, приоткрыв занавеску из одеяла, закрывающую небольшой грот, занимаемый капитаном Барманом.

– Уже начало темнеть, сэр. Скоро будут готовить ужин. Я у себя продуктов не держу, чтобы не разводить крыс и насекомых.

– Я бы сейчас слегка перекусил, а от ужина отказался. Не могу привыкнуть к такому позднему ужину. Это полностью против моих правил. Моя жена пришла бы от такого распорядка в ужас. Она очень боится располнеть, и в нашем доме никогда не подают на стол после шести вечера. И в семье никому не позволено после шести даже заглядывать в холодильник.

– В нашем положении это необходимость, сэр.

– Пусть так, но моему организму это явно не на пользу. Жирок на животе уже скапливается. Хотя это, может быть, и просто возрастное.

Про свой возраст полковник упомянул вроде бы между прочим, ожидая, что капитан начнет убеждать, что еще рано ему думать о возрасте.

– Эмир, кажется, говорил, что скоро должны доставить сухие пайки. Правда, это не наши пайки, русские, без термохимической обработки продуктов, но кто пожелает обходиться без горячего, тот сможет питаться и сухим пайком. Я сам слышал, сэр, как эмир обещал это.

– Придется, видимо, мне обходиться без горячего и в обед, и в ужин, – вздохнул полковник.

– А что касается жирка на животе, то вы, сэр, – предложил капитан, – принимайте участие в наших занятиях. У меня даже моджахеды лишнего веса быстро лишаются. А вам я готов разработать индивидуальную шадящую программу, специально для сгонки веса. Вы же в курсе, что я уже месяц провожу занятия по физической подготовке моджахедов.

– Спасибо, Кит, слышал краем уха про это, я подумаю, – кивнул Даррелл, опустил занавеску и двинулся в сторону выхода из пещеры, чтобы перейти в следующую по счету, в которой помещался грот эмира Хафизова, хозяина местной базы. Всего здесь было три пещеры, которые можно было бы даже назвать большими гротами, но под базу использовались только две из них. Третья считалась складской, поскольку воздух там был какой-то сернистый, и после недолгого проживания там люди начинали сильно кашлять. Сам эмир задумал соединить жилые большие гроты сквозным проходом и, как говорил Дарреллу, искал только толкового горного инженера, знакомого с шахтным делом, чтобы правильно рассчитать производство работ. Несколько лет назад эмир начинал уже копать один проход силами своих моджахедов,

но через неделю тяжелого труда проход обрушился и четверых проходчиков похоронил под обвалом. Небоевые потери эмир Хафизов не любил, поэтому прекратил попытки, не зная, как правильно выставлять крепления свода. У него было ценное качество, которое полковник отмечал как положительное. Он в отличие от большинства других эмиров не был упертым и никогда не брался за невыполнимые дела. Это касалось и боевых задач. Деятельность полковника Даррелла эмир Хафизов, по собственным словам, не понимал, но поддерживал, значит, все же считал работу американца достойной внимания. При этом сам получал за организацию определенное вознаграждение, но, кажется, для него это не было главным. Вообще Эльмурза Шуайбович был человеком уважаемым и почти положительным, насколько может быть положительным человек, возглавляющий боевой джамаат повстанцев. По крайней мере, он пользовался авторитетом не только среди своих моджахедов, но и среди других эмиров. С мнением Хафизова вынуждены были считаться даже за границей, то есть люди, которые финансировали повстанческое движение на Северном Кавказе, снабжали джамааты оружием и амуницией, и все это ради создания всемирного халифата.

После короткого стука в гулкую металлическую дверь, отгораживающую грот от пещеры, полковник открыл дверь, отодвинул цветастую занавеску и сказал с подчеркнутой вежливостью:

– Здравствуйте, эмир. Разрешите войти?

– Вы уже открыли дверь, так что заходите, – отозвался Эльмурза Шуайбович, сидящий за импровизированным столом, выстроенным из каких-то оружейных ящиков, покрытых куском ткани вместо скатерти. Он смотрел на карту и не выпускал из руки сотовую трубку. – Разве мы с вами сегодня не виделись? Разве не здоровались?

– Не помню, кажется, виделись утром. Лишний раз поздороваться не грех. Лучше, мне кажется, три раза или даже пять раз поздороваться, чем не поздороваться ни разу. Есть какие-то новости? – кивнул на трубку в руке эмира полковник.

– Есть новости, – ответил Хафизов. – К нам движется на грузовике еще один сильный джамаат.

– Разве сюда можно на чем-то проехать?

– Они едут только до того места, куда можно проехать, а дальше пойдут пешком. Груз большой. Продукты питания.

– Теперь все соберутся?

– Нет. Еще должно подойти два джамаата. Как вы и просили. Идут именно те эмиры, которых вы пригласили. Они подойдут пешком с разных сторон. Один движется вдоль горной гряды, он мне вчера вечером звонил, будет у нас через пару дней. Второй пройдет рядом с селом сегодняшней ночью. Джамаат большой, кажется, пятнадцать человек. Он мог бы прийти и раньше, но придется ждать ночи, чтобы сделать это незаметно, в селе не все люди надежные. Так считает эмир Зайналабидов, а он известен как человек осторожный и не склонный к безрассудству.

– А сделать круг вокруг села им сложно? Настолько устали, что ноги не шевелятся? – Полковник просто ворчал и сам понимал это. Он многократно рассматривал карту местности и знал все возможные пути. Но отказать себе в удовольствии выразить неудовольствие иногда не мог. Не сумел и сейчас.

– Для этого требуется оборудование и навыки профессиональных скалолазов. Или вертолеты. У них нет ни того, ни другого. – Эмир тоже знал, что полковник в курсе сложностей подхода, но проявил свое обычное терпение и уважительность..

– В ненадежных селах нужно проводить дезинсекцию⁵, – поморщившись, сказал Даррелл, завершая свое ворчание таким кардинальным предложением. – Против всех ненадежных жителей.

– Было бы чем, мы бы провели, – улыбнулся Хафизов. – Хотя бы выборочно в нескольких селах. Но в этом случае не существует, насколько я знаю, выборочных технологий. И вообще, кто сможет определить надежность человека до конкретного момента, когда этой надежности необходимо проявиться? Это невозможно. Открыто люди свою позицию высказывать не решаются. И их понять можно. Они за свои семьи беспокоятся.

– К сожалению, это так, – вынужденно согласился Даррелл. – Но ведь какая-то информация о предателях доходит?

– Как только она дойдет, предателя уже через несколько дней не будет в живых. Но тут есть другой важный аспект.

– Какой?

– Проверить предателя бывает сложно. Кто-то донесет на него, а вдруг это просто сведение личных счетов? Такое уже бывало. Есть прецеденты. Есть и другие случаи, когда верных нам людей под наши пули подставляли. По крайней мере, есть такие подозрения, хотя это тоже все бездоказательно. А предателей много. По моим сведениям, ФСБ и спецназ ГРУ разработали целую систему по вербовке нужных им людей. Устраивают подставы, и человеку остается или под суд идти и дальше на «зону», или сотрудничать с ними. Многие не выдерживают такого давления и предпочитают сотрудничество.

– Предательство...

– Конечно, предательство. Но это мы так говорим. Они это называют сотрудничеством. Если раньше кого-то просто покупали, если человек на такое падок был, то теперь уже используют более изощренные методы. Там большие спецы работают, умеют все организовать. Методика отработывалась еще во времена КГБ. Подняли старые методические пособия, изучили и начали работать. И это оказалось более продуктивным, чем примитивный подкуп. В нашем народе не каждого можно купить. Горцы – люди гордые и честные.

⁵ Дезинсекция – один из видов обеззараживания, представляющий собой уничтожение зараженных насекомых с помощью химических или биологических средств. В данном случае разговор идет о химическом оружии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.